

Л. А. ГОЛОФАСТ

КУХОННАЯ ПОСУДА ЗАПАДНОБАЛКАНСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Кухонная посуда, по крайней мере, до недавнего времени почти не привлекала внимания исследователей. Это объясняется сложившимся убеждением о ее консервативности, использовании одних и тех же неменяющихся форм на протяжении длительного времени, а также мнением о ее производстве, главным образом, местными или региональными гончарными мастерскими и ограниченным ареалом. В большинстве случаев это соответствует действительности [1, р. 11]. Однако в последнее время выявляются все новые и новые группы кухонной керамики, ареал которой не ограничивался тем или иным небольшим регионом. В качестве примера можно привести т.н. 'Pompeian Redwares', распространенную в раннеимперский период во многих регионах; в позднеантичный период широкое распространение получила кухонная посуда групп «Африканской краснолаковой», Pantellerian и Эгейская позднеримская посуда [2, р. 112]. Значительно расширен ареал и некоторых других групп кухонной посуды, которая, таким образом, наряду с амфорной тарой, столовой керамикой и стеклом, вполне может помочь в определении разного рода связей между различными регионами. Кроме того, ареал тех или иных форм посуды для приготовления пищи может помочь выделить культурные и экономические зоны, отличающиеся друг от друга условиями окружающей среды и кулинарными традициями [3, р. 19]. Соответственно, выявление форм, характерных для каких-то регионов, в районах с другими кулинарными традициями позволяет выявить, например, миграцию какой-то части населения таких регионов в другие, иногда довольно отдаленные, или временное присутствие там его представителей, которые, находясь вдали от родных мест, не хотели менять своих пищевых пристрастий и приезжали с кухонными приспособлениями, необходимыми для приготовления каких-то специфических блюд. Таким образом, изучение кухонной керамики может

значительно обогатить наши представления о жизни того или иного региона в тот или иной отрезок времени.

В ходе изучения керамики ранневизантийского времени из раскопок Херсонеса и Фанагории была выявлена группа кухонной посуды, выделяющейся морфологией, толщиной стенок, легкостью и способом обработки поверхности. Ассортимент такой посуды, найденной в Херсонесе и Фанагории, ограничивается плоскодонными горшками разных размеров с округлым туловом, коротким, как правило, цилиндрическим горлом, переходящим к четко очерченному треугольному в сечении венчику с плоско срезанной верхней поверхностью, которую получали, судя по наличию на некоторых фрагментах «наплывов» вдоль внутреннего края, путем срезания ножом. Ручки ленточные, прикреплены верхним прилепом либо к внешней поверхности венчика, либо чуть ниже; нижний прилеп на выявленных фрагментах не сохранился; на редких лучше сохранившихся фрагментах видно, что к середине ручки слегка суживаются, а, судя по аналогиям, к верхнему и нижнему прилепу они расширяются и имеют Х-образную в плане форму. Диаметр венчиков колеблется от 9,0 до 17,0 см.

Глина сосудов красная (2.5 YR 5/8, 6) (3 фр.), красновато-желтая (5 YR 6/6) (1 фр.), но чаще пережжена до коричневого разных оттенков (7.5 YR 5/2, 4; 5 YR 5/4), темно-сиреневого и черного. Черепок четырех фрагментов обожжен неравномерно с темно-серым, пепельно-серым, темно-коричневым и серовато-коричневым закалом. Цвет поверхности варьирует от почти черного и коричневого разных оттенков до светло-оливково-коричневого (2.5 Y 5/3), желтовато-коричневого (10 YR 5/4) и светло-коричневато-серого (2.5 Y 6/2). Включения: светлые, цвета глины, темные, часто коричневого оттенка и многочисленные блестящие частицы разных размеров. На всех фрагментах сохранились следы копоты (рис. 1).

Главной отличительной особенностью этой группы керамики являются, как правило, разнонаправленные наклонные или, значительно реже, горизонтальные пучки параллельных линий, нанесенные жесткой щеткой. На внешней поверхности нескольких фрагментов заметны следы легкого лощения. Судя по тому, что следы заглаживания щеткой часто присутствуют не только на внешней, но и на внутренней поверхности некоторых сосудов, а также на верхней поверхности венчика, такая обработка является не только декоративным приемом (рис. 2-3). По мнению Г. Нохха и А. Опайта, щеткой удаляли выступившие на поверхность крупные известняковые и железистые включения, которыми было богато тесто сосудов [4, р. 89 и устное сообщение А. Опайта]. Остававшиеся после такого заглаживания следы сознательно не удаляли, т.к. они не портили, а даже украшали сосуды.

Предполагается также, что обработка поверхности щеткой позволяла увеличить теплопроводность сосуда: неглубокие бороздки увеличивали площадь контакта сосуда с источником тепла, и жар впитывался в стенки сосуда значительно быстрее [4, р. 90]. Необходимость быстрого нагрева содержимого горшка во время приготовления подтверждается и необычно тонкими для такого рода керамики стенками.

Обработка поверхности сосудов щеткой была характерна для Северной и Восточной Адриатики еще в первые вв. н. э. [5, t. 49-50, 57, 61-62, 65-66, 68-70, 72; 6, t. VII,13; IX,5; XI,20; XV,15; XXIV,3; XXIX,3,6; XXX,5; XXXII,13; XXXIV,2,5; XXXV,3; XXXVII,2; XLI,16; XLIII,6; XLV,8; XLVI,4; LI,20; LII,1; LIV,14; LVIII,4; LIX,1; LXIV,5; LXVI,1; LXVII,1; LXVIII,9; LXX,11; LXXII,7; LXXIII,4,15; LXXIV,4,5; LXXV,8; LXXXI,5; LXXXIX,3; XC,3; CIII,15; CIV,11,15; CVI,1; CVIII,8,9,11; CXIV,7; CXXIV,10; CXXV,9; CXXXII,4; CXXXIII,22; CXXXVI,2,10; CXLI,12; CXLII,11,14,15; CL,9; CLI,3; CLIV,1; CLVIII,5,8,12; CLXVI,14,19; CLXXXIII,12; CLXXX,2,13; CLXXXVII,10; 7, s. 15-53].

В ранневизантийское время аналогичная обработка поверхности была характерна для сосудов, найденных на территории Северной Адриатики, Словении, зоны к юго-востоку от Альп и восточной части Северной Италии (район Венето, Фриули и особенно район Аквилеи) [8, p. 255-284, taf. 5,65, taf. 6; 9, fig. 6,7; 10, abb. 83,4; 86; 94,8; 99,4; 102,3,6,7; 106,11; 110,2,4,5,12; 111; 112,5; 115,9; 116,1; 117,9; 11, p. 732-785, №№ 50, 85; 12, t. 2,1; 7,2; 12,12; 13,13; 17,13; 23; 24,1-9; 27,1-5]. Однако рассматриваемые сосуды отличаются от более ранних и синхронных сосудов из других районов адриатического побережья не только формой, но и намеренным стремлением использовать данную технику в качестве декоративного приема: полосы нанесены по определенной схеме, повторяющейся на разных сосудах.

Обширный ассортимент посуды рассматриваемой группы, включающий миски, кастрюли, крышки, чаши и чашки, выявлен в Северной Албании, главным образом, на территории провинций Дардания и Превалис, особенно между реками Мати и Дрина [13, p. 59, tav. VII,1,6,10; 14, p. 243-252; 15, p. 93-94, tab. XXXI-XXXII; 4, p. 94], где ее, скорее всего, и производили. На соседних территориях их находки либо крайне немногочисленны, либо отсутствуют вовсе. Так, несколько фрагментов подобных сосудов найдено в Durrës (Cooking pot 12), но, например, в Бутринте они отсутствуют полностью [16, p. 724, fig. 12,18-19].

Раскопки в Шкодере, давшие богатый набор различных форм и вариантов таких сосудов, происходящих, к тому же, из надежных комплексов, позволили разработать типологию и хронологию этой группы керамики и отнести начало ее производства к IV в., пик бытования – к V-VI вв., конец – к началу VII в. [4, p. 94, pl. I-IV].

Сосуды, найденные при раскопках Херсонеса и Фанагории, относятся к сосудам типов «а» и «б» по Ходже. Первые появляются в IV в. и остаются довольно частыми находками в слоях V-VI вв. [4, p. 90, pl. I,1-5; III,1], вторые – появляются в слое IV в., часто встречаются в слоях V в. и становятся редкими в слое VI в. [4, p. 90, pl. I,6-10; IV,1].

Все херсонесские фрагменты были найдены в двух полузакрытых комплексах, широко датирующихся V – началом VI вв.: 2 фрагмента происходят из нивелировочной засыпи V – начала VI вв. под зданием А-Б в Херсонесе [17, с. 82-83, рис. 7,4-5] (рис. 4); более многочисленные фрагменты выявлены в цистерне с засыпью V – первой половины VI вв. в квартале Х-Б Северного района Херсонеса

(готовится публикация)¹ (рис. 5). Несколько фрагментов найдено в ходе подводных раскопок к северу от клетки 1 ряжевой конструкции в Фанагории, где выявлен комплекс керамики V – первой половины VI вв., содержащий исключительно привозную керамику (амфоры, краснолаковую посуду, горшки), которая, скорее всего, сбрасывалась с приходящих в Фанагорию кораблей, избавлявшихся таким образом от испорченного в плавание груза (рис. 6) [18, с. 69, 71, рис. 19].

Кроме того, три фрагмента аналогичных горшков найдены в слое V–VI вв. на высоте Безымянная (устное сообщение А. Опайта), 1 – на Мангупе в слое второй – третьей четверти VI в. [19, рис. 8,8]. Несколько фрагментов найдено А. И. Айбабиным в Керчи в комплексе первой четверти / первой трети VI в. (заполнение цистерны II-9, 2009 г.)².

Незначительное количество фрагментов керамики рассматриваемой группы, выявленное на данный момент, не позволяет говорить о том, что она была предметом торговли. В пользу такого предположения говорит также наличие у найденных сосудов ленточных, очень тонких и хрупких ручек, исключающих возможность их штабелирования, что крайне неудобно при транспортировке, тем более на большие расстояния [1, р. 15].

Тем не менее, присутствие в Северном Причерноморье многочисленных фибул V – первой половины VI вв. из Подунавья позволяет говорить о сохранении активных торговых отношений между двумя регионами. Отмечается также распространение в Северном Причерноморье моды на ношение ряда возникших в Подунавье аксессуаров, изготовление которых было налажено мастерами Херсонеса и Боспора по дунайским образцам [20, с. 83]. Однако фибулы, пряжки и прочие детали костюма, также как и горшки рассматриваемой группы, могли попасть в Северное Причерноморье не столько в результате торговли, сколько в результате переселения сюда выходцев из Подунавья. Переезжая на новое место, они привезли с собой или на себе различные детали костюма, способствуя, таким образом, распространению моды на них, и кухонную посуду, необходимую для приготовления каких-то привычных для них блюд.

Не исключено, что эти переселенцы составляли военное подразделение, присланное в Северное Причерноморье для защиты северных рубежей Византийской империи. С конца IV в. Восточная Римская империя широко использовала наемников из варварской среды, особенно в периоды, когда она сталкивалась с серьезными военными угрозами [21, р. 300]. Варвары входили в состав византийской армии либо небольшими племенными подразделениями, либо в качестве наемников, набираемых для ведения каких-то определенных военных кампаний. Причем зачастую такие варварские подразделения набирали за пределами империи [22, р. 51]. Готы получили разрешение селиться в империи в 393 году при Феодосии I (379-395), при

¹ Автор признателен автору раскопок С. Г. Рыжову за разрешение на публикацию.

² Автор благодарен А. Опайту и А. В. Смокотиной за предоставленную информацию.

котором многие варварские племена получили статус федератов. Возможно, такая же политика проводилась и в Юго-Западном Крыму. Предоставленное Феодосием право было подтверждено найденным в Херсонесе декретом с упоминанием имени Гонория (384-423) (имя императора Восточной Римской империи не сохранилось), отражавшим постановление, согласно которому готам были предоставлены права расселения у восточных границ империи. С этим декретом предположительно связывают появление в Херсонесе готской общины, что подтверждается присутствием в погребениях херсонесского некрополя аксессуаров, характерных для женского остготского костюма [23, с. 138-139; 24, с. 85]. Присутствие готов в Херсонесе косвенно подтверждают и данные эпиграфики: надпись на закладной плите склепа, открытого во рву у первой куртины западного участка оборонительной стены Херсонеса, в которой упоминается «раб божий Гот» [20, с. 127].

Нельзя исключать также, что в Херсонес, который после захвата Боспора гуннами стал единственной византийской крепостью в Крыму, вещи из Подунавья попали с подразделением византийской армии, специально присланным в город для его защиты от набегов извне и проведения своей политики в регионе. Уже при императоре Зиноне управление городом было передано византийской администрации: в надписи в честь императора Зинова (474-491), датированной 488 годом, упоминаются комит Диоген, являвшийся, по-видимому, главным военным и гражданским начальником в городе, а также «викариат преданных баллистариев». Викарий, согласно имперскому табелю о рангах, являлся заместителем для специальных поручений командующего войсками провинции *magister militum*. Т.е. гарнизоном Херсона командовал викарий *magister 'a militum* Фракии, в котором имелось, по-видимому, и дунайское подразделение. Косвенным подтверждением тому служит находка в портовом районе формы для оттиска изображения святого Лупы, который был популярен, в основном, среди солдат дунайских легионов [22, с. 559-560; 25, с. 88].

Высота Безымянная и Мангуп, где также были найдены фрагменты посуды рассматриваемой группы, служили оборонительными рубежами на подходах к Херсонесу. Высота Безымянная располагалась в непосредственной близости к городу и благодаря своему господствующему положению над обширной Балаклавской долиной служила сторожевым укреплением с эллинистического времени до IX-XI вв. включительно [26, р. 154], где, судя по находкам фрагментов посуды рассматриваемой группы, несли службу и присланные из города выходцы из Подунавья.

Что же касается Мангупа, то, хотя создание византийской крепости здесь относят к последнему десятилетию правления Юстиниана I, он, несомненно, и в более ранний период служил опорным пунктом, использовавшимся для контроля над горным проходом, связывавшим Херсон с предгорьями и степью [27, с. 126, 136]. А. И. Айбабин, суммируя данные письменных источников, выдвинул предположение о том, что оппидум Дори возник до конца V в. [20, с. 119]. Население Дори составляли готы, которые, согласно Прокопию, были подданными Теодориха, то есть остроготами, которые в 489 г. «не последовали за Теодорихом в Италию, а

добровольно остались здесь», но поддерживали контакты с другими германскими племенами, в частности, с племенами из Подунавья [28, с. 315]. По наблюдениям Э. А. Хайрединовой, во второй половине V в. варвары Юго-Западного Крыма не сильно отличались от остроготов Подунавья. Ряд предметов их женского костюма конца V – первой половины VI вв. свидетельствует о контактах местного населения и с другими германскими племенами Подунавья [24, с. 84].

Наконец, в начале VI в. объектом пристального внимания со стороны стремившейся закрепиться в Крыму Византии становится и Боспор. В 522 году Юстин послал на Боспор патриция Проба с большой суммой денег для заключения с господствовавшими в степях полуострова гуннами симмахии, и Боспор оказался под непосредственным контролем империи (около 522 г. или в 527 г.). В первый год царствования Юстиниана (527-565) правитель живших близ Боспора гуннов Горд (у Феофана) или Грод (у Малалы) крестился в Константинополе, признал главенство Византии и был отправлен на Боспор «блюсти интересы империи». Грод прибыл на Боспор вместе арифмом ромейских стратиотов, призванных охранять границы государства и город Боспор. Малала сообщает о размещении в городе «...многочисленных ромейских или итальянских войск, известных как испанцы», под которыми, очевидно, подразумеваются расквартированные в Южной Италии подразделения, сформированные из испанцев. Однако на Боспоре вспыхнуло восстание, Грод был убит, а византийский отряд полностью уничтожен. По информации Прокопия, тогда же соседние варвары разрушили византийские города на Таманском полуострове Кепы и Фанагорию. В ответ Юстиниан отправил на Боспор, по словам Феофана, морем отряд скифов «...и одновременно ... по суше от Одиссополя Годилу и стратига Бадурия», который был стартилатом скифов и готов. Гунны, узнав о приближении византийцев, бежали из города, которым овладели войска ромеев. После этого, как сказано Феофаном, «в Босфоре наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно». Феофан и Малала отнесли описанные события к 527/528 г., а Псевдо-Дионисий – к 533/534 г. Однако А. И. Айбабин аргументировано доказал, что описанные события на Боспоре следует относить к 527/528 г. [20, с. 94-95].

Основу посланной на Боспор византийской армии, несомненно, составляли готы. Наряду с Феофаном готов в связи с описываемыми событиями упоминает и Иоанн Малала: «...Услышав это, этот царь (Юстиниан) назначил комитов проливов Понтийского моря ... проконсула Иоанна и послал его с готским вспомогательным войском, а именно с Иерона близ Фракийского Боспора. Кроме того, ...он послал через Понтийское море корабли, наполненными солдатами, и экзарха; одновременно он послал по суше большую помощь и стратига Бадурия». Прокопий также сообщает об «испанских полках готов» во главе с Годилой и Бадуарием.

Боспор был окончательно подчинен власти империи. Кроме того, в орбиту византийского влияния был включен и противоположный берег Боспора, что косвенно доказывает найденный на Таманском полуострове фрагмент строительной

надписи, отнесенной В. В. Латышевым к 533 году, с упоминанием имени императора Юстиниана и «Ангулата ... трибуна» и титула «комита этого города», который, по мнению В. В. Латышева, являлся представителем императорской власти на Боспоре [20, с. 100].

Юстиниан, естественно, не мог не позаботиться об обороноспособности восточных рубежей империи. Он заново отстраивает крепостные стены Боспора, на азиатском берегу пролива возводит новую крепость, которая была раскопана у основания косы Чушка близ поселка Ильич. Несомненно, в сферу влияния Византии входила и Фанагория. Косвенно это подтверждает состав находок, выявленных в районе мола, функционировавшего в середине / второй половине V – первой половине VI вв., который в значительной степени совпадает с составом комплексов того же времени из раскопок Херсонеса³, Боспора и других северопричерноморских городов [18].

Для защиты Боспора и прилегающей к нему территории, включающей и восточный берег пролива, от вторжений извне и для держания в узде местного населения Византия вынуждена была держать здесь, как и в других районах империи, военный контингент, состоявший из наемников-федератов, которых набирали из варваров и зачисляли на службу целыми отрядами во главе со своими военачальниками. Причем, отряды византийских войск, посылавшиеся в разные районы империи, были этнически неоднородны и состояли из небольших групп людей, объединенных общим происхождением, которые проводили большую часть времени друг с другом, поддерживая и сохраняя свою общинную идентичность.

По мнению А. И. Айбабина, прибывшие в 527/528 г. с византийскими полками из Подунавья готы поселились в Боспоре с семьями. Тогда они привезли в город остроготские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с прямоугольным и орлиноголовым щитком, а городские мастера стали копировать дунайские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке. Происходят изменения в женском костюме, в частности, распространяется мода на костюмы, которые женщины носили на Среднем Дунае в V в., а после образования в 488 году остроготского королевства – на территории Италии и Далмации [20, с. 97, 100].

Таким образом, карта находок сосудов рассматриваемой группы позволяет предположить, что в составе военного контингента, охранявшего северные рубежи Византийской империи, были выходцы из западной части Балканского полуострова, которые привезли с собой кухонную утварь. Незначительное количество посуды рассматриваемой группы говорит о том, что отряды наемников из указанного региона были небольшими и, скорее всего, пребывали в Северном Причерноморье непродолжительное время. Если в регионе производства такая посуда бытовала в IV – начале VII вв., то в перечисленных пунктах они выявлены только в комплексах

³ В настоящее время готовится полная публикация одного из таких комплексов (засыпь цистерны в квартале X-Б Северного района Херсонеса).

V – первой половины VI вв.⁴

В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что ни в Херсонесе, ни на Боспоре не было налажено производство подобной посуды для удовлетворения нужд переселенцев, как, например, это было сделано в Британии, где для военного контингента из Северной Африки, прибывшего туда в 146/9 гг. и в 208 г., на месте изготавливали кастрюли и другие формы посуды по образцу североафриканских [29; 30]. Здесь следует отметить, что производство кухонной посуды было не таким легким делом, как может показаться на первый взгляд, и стоила такая посуда не настолько дешево, как принято думать. Для ее изготовления надо было подобрать не только отошители, необходимые для придания глине определенных формовочных качеств, но и такие примеси, которые усиливали прочность и огнеупорность глиняной массы. Поэтому тесто кухонных сосудов почти всегда являлось результатом тщательного и длительного отбора глины и отошителей, гарантирующего наилучшие результаты в процессе приготовления и устойчивость к длительному пребыванию в огне [2, р. 112]. По-видимому, именно этими причинами можно объяснить тот факт, что, переезжая на новое место службы, наемники брали с собой и кухонную посуду, тем более, если они приезжали со своими семьями, а посуда была предназначена для приготовления каких-то особенных блюд.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Leitch V. Trade in Roman North African Cookwares // *Bollettino di archeologia on line. Dorezione generale per le antichità. Volume speciale. International Congress of Classical Archaeology Meetings between Cultures in the Ancient Mediterranean*. Roma, 2008.
2. Costa S. The Late Antique Economy: Ceramics and Trade // *Late Antique Archaeology*. 2013. Vol. 10. Issue 1.
3. Arthur P. Pots and Bounderies. On Cultural and Economic Areas between Late Antiquity and the Early Middle Ages // *LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry. Vol. I / Eds. M. Bonifay, J-Ch. Tréglia*. Oxford, 2007. (BAR Int. Series 1662(I)).
4. Hoxha G. Céramique culinaire lessée à la brosse, provenant du territoire des provinces de Praevalis et de Dardanie // *Rei Cretariae Romanae Acta*. 2008. Nr. 40.
5. Jelinčić K. Rimska keramika proizvodnje na području Hrvatskog dijela rimske provincije gornje Panonije. Doktorska disertacija. Zagreb, 2009.
6. Plesničar-Gec L. The Northern Necropolis of Emona. Ljubljana, 1972.
7. Plesničar L. Vrči z emonskih grobišč // *Arheološki vestnik. Acta archaeologica*. 1975. XXVI.
8. Ciglencečki S. Potek alternativne ceste Siscija-Akvileja na prostoru zahodne dolenske in notranjske v času 4. Do 6. Stoletja // *Arheološki vestnik. Acta archaeologica*. 1985. XXXVI.
9. Cagnana A., Capelli C., Cavagnin S., Gonella G., Roascio S. Late Antique and Early Medieval Pottery Assemblages from Archaeological Sites of the Alpine Zone of Western Friuli (Carnia District-Udine-Italy) // *LRCW 3. IIIrd International Conference on Late Roman Coarse*

⁴ О Фанагории в данном контексте мы говорить не можем из-за отсутствия более поздних комплексов.

- Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean. Oxford, 2011.
10. Ciglencečki S. Tinje oberhalb von Lokapri Žusmu // Opera Instituti Archaeologici Sloveniae. Ljubljana, 2000. Nr. 4.
 11. Knific T. Vranje pri Sevnici // Acta archaeologica. 1979. XXX.
 12. Belak M., Pleterski A., Knific T. Katalog der Gegenstände // A. Pleterski. Zgodnje srednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Najdbe. Ljubljana, 2008.
 13. Jubani B., Ceka N. Gërmime në qytezën ilire të Rosujës (Rrethi i Tropojës) // Iliria. Tiranë, 1971. Vol. I.
 14. Jubani B. Qeramika e zbukuruar me motiv vijash paralele // Iliria. Tiranë, 1990. Vol. 20, 1.
 15. Hoxha G. Scodra dhe Praealis në Antikitetin e Vonë. Shkodër, 2003.
 16. Shkodra-Rrugia B. Late Roman Coarse and Cooking Wares from Durrës // LRCW 3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean Archaeology and Archaeometry Comparison between Western and Eastern Mediterranean. Vol. II / Eds. S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci. Oxford, 2010. (BAR Int. Series 2185(II)).
 17. Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
 18. Голофаст Л.А., Ольховский С.В. Комплекс керамики из раскопок подводного фундамента в акватории Фанагории // Фанагория. Вып. 4. (В печати).
 19. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): IV горизонт застройки (V-VII вв.) // МАИЭТ. (В печати).
 20. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
 21. Teall J.L. The Barbarians in Justinian's Armies // Speculum. 1965. Vol. 40, No. 2.
 22. Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity (AD 395-600). London, New York, 2001.
 23. Сидоренко В.А. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
 24. Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
 25. Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
 26. Rabinowitz A., Yashaeva T., Nikolaenko H. The Chora of Chersonesos: excavations at Bezimenna, 2002 // Archaeology at Kyiv-Mohyla Academy. Kyiv: National University of Kyiv and Institute of Classical Archaeology, 2005.
 27. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
 28. Айбабин А.И. О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. XX.
 29. Swan V.G. Legio VI and its Men: African Legionaries in Britain // Journal of Roman Pottery Studies. 1992. Nr. 5.
 30. Swan V.G. The Twentieth Legion and the History of the Antonine Wall Reconsidered // Proceedings of the Societies of Antiquaries Scotland. 1999. Vol. 129.

REFERENCES

1. Leitch V. Trade in Roman North African Cookwares. *Bollettino di archeologia on line. Dorezione generale per le antichità. Volume speciale. International Congress of Classical*

- Archaeology Meetings between Cultures in the Ancient Mediterranean*, Roma, 2008.
2. Costa S. The Late Antique Economy: Ceramics and Trade. *Late Antique Archaeology*, 2013, Vol. 10, Issue 1.
3. Arthur P. Pots and Boundaries. On Cultural and Economic Areas between Late Antiquity and the Early Middle Ages. *Bonifay M., Trégliat J.-Ch. (Eds.). LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry. Vol. I.* Oxford, 2007. (BAR Int. Series 1662(I)).
4. Hoxha G. Céramique culinaire lessée à la brosse, provenant du territoire des provinces de Praevalis et de Dardanie. *Rei Cretariae Romanae Acta*, 2008, Nr. 40.
5. Jelinčić K. *Rimska keramika proizvodnje na području Hrvatskog dijela rimske provincije gornje Panonije. Doktorska disertacija*, Zagreb, 2009.
6. Plesničar-Gec L. *The Northern Necropolis of Emona*, Ljubljana, 1972.
7. Plesničar L. Vrči z emonskih grobišč. *Arheološki vestnik. Acta archaeologica*, 1975, XXVI.
8. Ciglencečki S. Potek alternativne ceste Siscija-Akvileja na prostoru zahodne dolenske in notranjske v času 4. Do 6. Stoletja. *Arheološki vestnik. Acta archaeologica*, 1985, XXXVI.
9. Cagnana A., Capelli C., Cavagnin S., Gonella G., Roascio S. Late Antique and Early Medieval Pottery Assemblages from Archaeological Sites of the Alpine Zone of Western Friuli (Carnia District-Udine-Italy). *LRCW 3. IIIrd International Conference on Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean*, Oxford, 2011.
10. Ciglencečki S. Tinje oberhalb von Lokapri Žusmu. *Opera Instituti Archaeologici Sloveniae*, Ljubljana, 2000, Nr. 4.
11. Knific T. Vranje pri Sevnici. *Acta archaeologica*, 1979, XXX.
12. Belak M., Pleterski A., Knific T. Katalog der Gegenstände. *Pleterski A. Zgodnje srednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Najdbe*, Ljubljana, 2008.
13. Jubani B., Ceka N. Gërmime në qytezën ilire të Rosujës (Rrethi i Tropojës). *Iliria*, Tiranë, 1971, Vol. I.
14. Jubani B. Qeramika e zbukuruar me motiv vijash paralele. *Iliria*, Tiranë, 1990, Vol. 20, 1.
15. Hoxha G. *Scodra dhe Praevalis në Antikitetin e Vonë*. Shkodër, 2003.
16. Shkodra-Rrugia B. Late Roman Coarse and Cooking Wares from Durrës. *Menchelli S., Santoro S., Pasquinucci M., Guiducci G. (Eds.). LRCW 3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean Archaeology and Archaeometry Comparison between Western and Eastern Mediterranean. Vol. II.* Oxford, 2010. (BAR Int. Series 2185(II)).
17. Golofast L.A. Zapadni raion Khersonesa v rannevizantiiskoe vremia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2007, Vol. XIII.
18. Golofast L.A., Ol'khovskii S.V. Kompleks keramiki iz raskopok podvodnogo fundamenta v akvatorii Fanagorii. *Fanagoriia*, Vol. 4. (In print).
19. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): IV gorizont zastroiki (V-VII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (In print).
20. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', 1999.
21. Teall J.L. The Barbarians in Justinian's Armies. *Speculum*, 1965, Vol. 40, No. 2.
22. Cameron A. *The Mediterranean World in Late Antiquity (AD 395-600)*. London, New York, 2001.
23. Sidorenko V.A. K voprosu ob etnicheskoi atributsii Ai-Todorskogo klada monet IV – nachala

- V vv. s podrazhaniami «luchistogo tipa». *Materialy k etnicheskoi istorii Kryma*, Kiev, 1987.
24. Khairedinova E.A. Zhenskii kostium varvarov Iugo-Zapadnogo Kryma v V – pervoi polovine VI vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2002, Vol. IX.
25. Tsukerman K. Episkopy i garnizon Khersona v IV v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1994, Vol. IV.
26. Rabinowitz A., Yashaeva T., Nikolaenko H. The Chora of Chersonesos: excavations at Bezimenna, 2002. *Archaeology at Kyiv-Mohyla Academy*, Kyiv, National University of Kyiv and Institute of Classical Archaeology, 2005.
27. Gertsen A.G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1990, Vol. I.
28. Aibabin A.I. O lokalizatsii oblasti Dori, *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2015, Vol. XX.
29. Swan V.G. Legio VI and its Men: African Legionaries in Britain. *Journal of Roman Pottery Studies*, 1992, Nr. 5.
30. Swan V.G. The Twentieth Legion and the History of the Antonine Wall Reconsidered. *Proceedings of the Societies of Antiquaries Scotland*, 1999, Vol. 129.

Голофаст Л. А.

Кухонная посуда западнобалканского производства в Северном Причерноморье

Резюме

В ходе раскопок Херсонеса, Мангупа, Боспора и Фанагории была выявлена небольшая группа кухонной посуды с обработанной жесткой щеткой поверхностью. Точные аналогии происходят с территории провинций Дардания и Превалис, где она производилась. В Северное Причерноморье посуда из указанного региона, скорее всего, попала с выходцами из западной части Балканского полуострова, которые входили в состав подразделения византийской армии, присланного для защиты северных границ Византийской империи.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Балканы, кухонная посуда, ранневизантийский период.

L. A. Golofast

Cooking Ware of the Western Balkan production on the Northern Black Sea Area

Summary

The excavations of Chersonese, Mangup, Bosphoros, and Phanagoreia have uncovered a small group of cooking ware with “combed decoration.” Its exact parallels are in the provinces of Dardania and Prevalis where this pottery seems to have been produced. To the Northern Black Sea Area, the ware in question is most likely to have been brought by the expatriates from the western area of the Balkan Peninsula, who formed a part of the military contingent that was intended to defend the Byzantine Empire’s northern frontier.

Keywords: Northern Black Sea Area, Balkans, cooking ware, Early Byzantine Period.

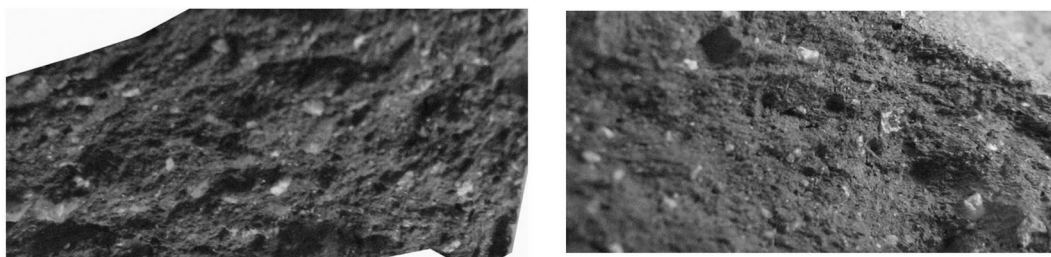

Рис. 1. Глина горшков из раскопок Херсонеса.

Рис. 2. Горшки из засыпи цистерны в квартале Х-Б Северного района (1) и из нивелировочной засыпи под зданием А-Б в Западном районе Херсонеса (2, 3).

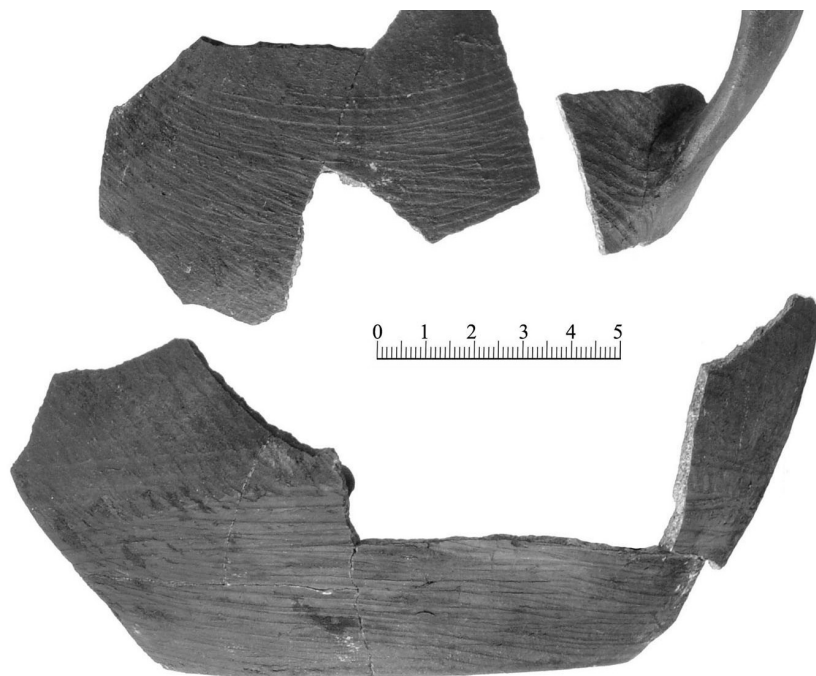

Рис. 3. Горшки из засыпи цистерны в квартале X-Б Северного района Херсонеса.

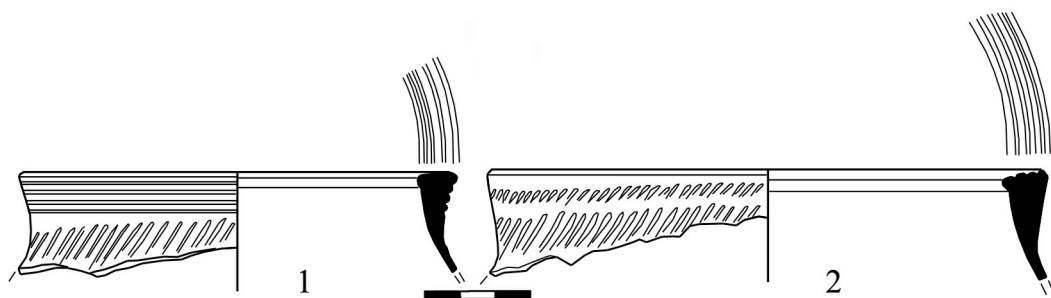

Рис. 4. Горшки из нивелировочной засыпи под зданием А-Б в Западном районе Херсонеса.

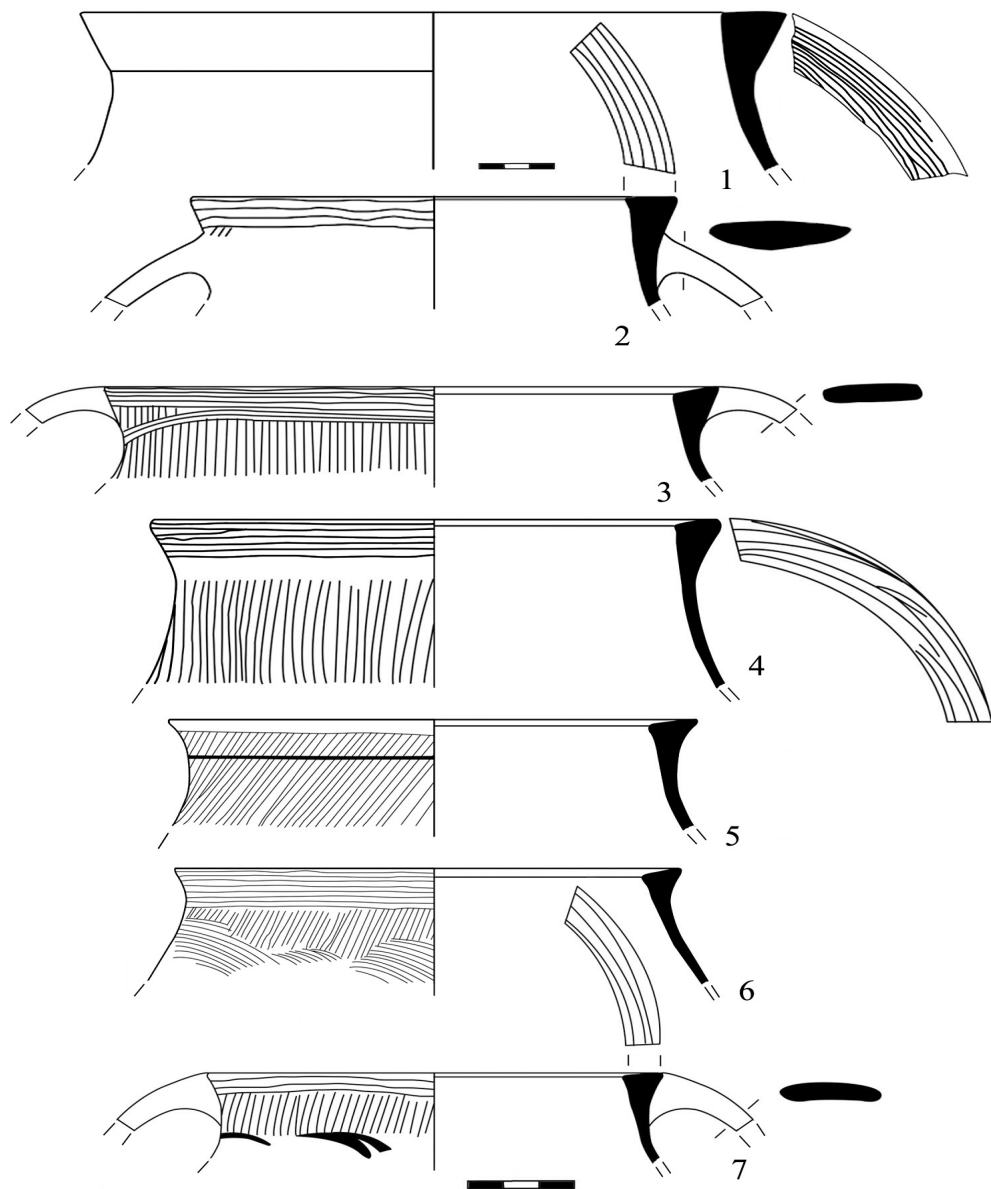

Рис. 5. Горшки из засыпи цистерны в квартале X-Б Северного района Херсонеса.

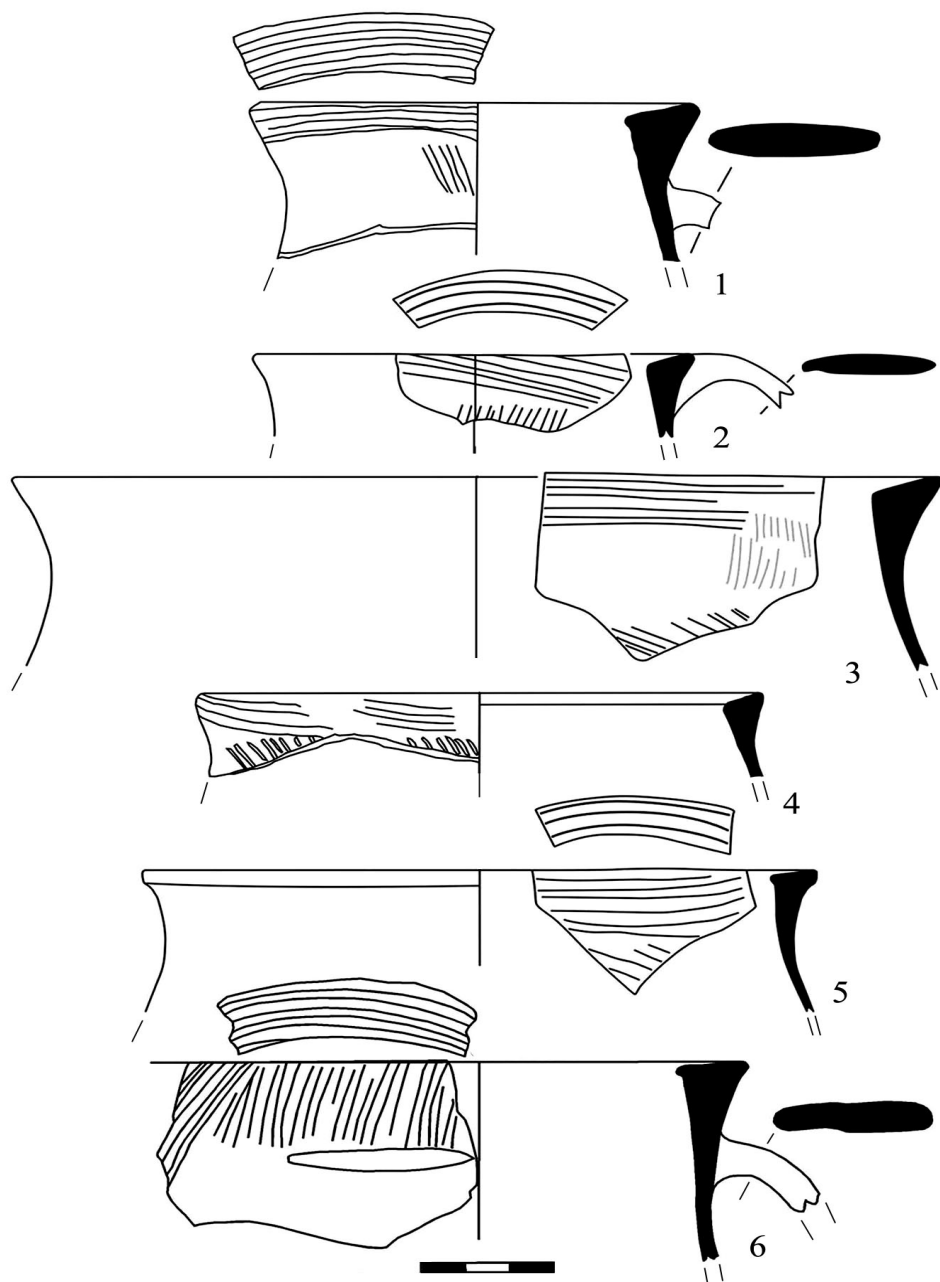

Рис. 6. Горшки из подводных раскопок фундамента ряжевой конструкции в Фанагории.